

Восьмой игрок подавил зевок на полпути и усмехнулся:

— Похоже, в этот раз у нас полно новичков.

Он скользнул языком по острому клыку. При слове «новички» его взгляд как бы невзначай задержался на лице Цзян Шэна.

— Так и быть, просвещу вас по доброте душевной, — добавил он.

Коснувшись своего экрана выбора, он многозначительно прищурился. Выбрав роль, парень принялся подробно объяснять правила.

— Все, кто попадает сюда, выбраны не случайно, — заговорил он. — Но, если подумать, никто из нас не безгрешен. Мы оказываемся здесь, потому что чего-то страстно желаем, но в глубине души не верим, что способны добиться этого сами. И тогда игра, верная своей сути — созиданию снов, дарует шанс претворить эти грезы в реальность. Шанс простой: войти и победить. Так мне сообщила система, когда я попал сюда впервые. Верить или нет — ваше дело.

Настоящие новички и те, кто лишь притворялся ими, переглянулись. Людей в комнате было немало, и слова Восьмого заставили их задуматься. Кто-то промолчал, взвешивая услышанное, а кто-то сразу пошел наперекор:

— С какой стати нам тебе верить?

Восьмой перестал улыбаться и притворно вздохнул, напустив на себя загадочный вид:

— Дело ваше. Я просто делюсь тем, что знаю.

Цзян Шэн посмотрел на соседа слева и спросил:

— А какова цена за эти грезы? Вряд ли игра занимается благотворительностью.

Парень показал Цзян Шэну большой палец с видом «а ты сообразительный» и усмехнулся:

— А ты зришь в самый корень. Система — не благотворительный фонд, за красивые глаза желаний не исполняет. Каждому нужен входной билет. И плата за этот билет — наши собственные жизни, которые мы временно отдаем под залог. Конечно, можно сделать так, как предлагал Десятый, и просто сбежать отсюда. Но что дальше? За порогом этого дома вас ждет совсем не тот мир, к которому вы привыкли. Там нет ваших родных, друзей, коллег. Все, на чем держалась ваша прежняя жизнь, здесь попросту не существует.

Он мельком глянул на Третьего, который сидел, сжавшись и робко втянув голову в плечи:

— Безусловно, можно попытаться начать все с чистого листа. Если, конечно, хватит духу. Вот только пока мы здесь, внутри, будем грызть друг другу глотки, никто не гарантирует, что вы там, снаружи, вообще уцелеете. Так какой в этом смысл? Самое худшее, что может случиться — это смерть в четырех стенах. Так не лучше ли рискнуть? Если выиграем, наши заветные сны станут реальностью.

Восьмой лукаво улыбнулся:

— Ах да, чуть не забыл. Сейчас в пуле, помимо мирных жителей, осталась всего одна особая карта. Вам семерым стоит поторопиться с выбором.

Он разыграл это так, будто и впрямь только что вспомнил. Он улыбнулся, и блеснули его острые клыки. Если бы не откровенная жажда зрелищ, сквозившая в каждом слове, Цзян Шэн, пожалуй, поверил бы в его дружелюбие.

Цзян Шэн понимал: вся эта показная забота — лишь способ насладиться паникой и растерянностью других. Своего рода легкая закуска перед началом кровавого шоу.

Стоило Восьмому умолкнуть, как лица нескольких сидевших за столом девушек мгновенно побледнели. Те, кто еще не успел определиться с ролью, лихорадочно застучали пальцами по виртуальным панелям — с такой силой, словно пытались пробить экраны насквозь. Цзян Шэн не сомневался: зависни сейчас эти панели, игроки в ярости разнесли бы их в щепки. Но насколько искренним был их страх — оставалось только догадываться.

Один за другим они завершили выбор. В ту же секунду раздался бесстрастный механический голос системы:

[Все роли распределены. Игроки могут приступать к свободным действиям]

Однако Цзян Шэн успел заметить, как вздрогнул Седьмой, чья рука так и зависла в воздухе, не успев коснуться экрана. В следующий миг присутствующие начали подниматься со своих мест.

Цзян Шэн лениво погладил устроившегося на коленях пухлого котенка и перевел взгляд на соседа справа, размышляя над услышанным. Восьмой сонно сощурился, потянулся и поднялся с явным намерением пойти и вздремнуть еще часок-другой.

— Погоди, — Цзян Шэн легонько придержал его за рукав.

Тот с любопытством обернулся. Цзян Шэн и сам толком не понимал, зачем окликнул его, но все же предложил:

— Поговорим?

Восьмой обезоруживающе улыбнулся:

— Почему бы и нет? Тогда, может, зайдем ко мне? — добавил он, не отводя пристального взгляда.

Под этой беззаботной улыбкой Цзян Шэну на миг почудился хищный оскал, словно на него примеривались как на добычу. И все же он не отступил.

— Пошли, — кивнул Цзян Шэн и поднялся со стула.

По пути из гостиной к спальне Восьмого — дороге длиной всего в десяток шагов — Цзян Шэн отчетливо ощутил на себе чужой взгляд. Тяжелый, обжигающий, игнорировать который было невозможно. Оглянувшись, он к своему удивлению натолкнулся на взгляд Шестого. В глубине его глаз бушевала такая буря противоречивых чувств, словно они вот-вот выплеснутся наружу.

Цзян Шэн растерялся, решив, что этот немой крик души предназначался кому-то другому. Заметив, что его поймали с поличным, Шестой поспешно отвел глаза и молча направился к лестнице на второй этаж. Цзян Шэн задумчиво посмотрел ему вслед. Ему показалось, что уходящий парень выглядел неприкаянным и глубоко подавленным.

— Нечего там разглядывать, идем, — Восьмой проследил за его взглядом и легонько потянул Цзян Шэна за рукав.

Цзян Шэн опомнился, кивнул и молча последовал за ним.

— Ну, о чем побеседуем? — Восьмой отпер дверь спальни, вошел и без церемоний повалился на кровать, подмяв под себя подушки.

Цзян Шэн присел на стул у двери. Опустив котенка на колени, он принялся лениво почесывать ему пушистый живот.

— Твоя роль — мирный житель, верно?

Восьмой на мгновение опешил, а затем прыснул со смеху.

— А если я скажу «нет»? Будь я оборотнем, ты бы отсюда живым уже не вышел.

Насладившись легким замешательством на лице гостя, парень назидательно добавил:

— Запомни: доверять в этой игре нельзя никому. Иначе свой входной билет ты обратно не получишь.

Цзян Шэн промолчал. Чем сильнее парень паясничал, тем тверже крепла уверенность: перед ним обычный мирный. Однако Восьмой не умел читать чужие мысли. Решив, что нагнал на собеседника страху, он примирительно улыбнулся:

— Да ладно тебе, шучу я. Не такой уж я и подлец. Я ведь только вчера выбрался из предыдущей сессии. Проснуться сегодня утром и понять, что я снова здесь... паршивое, если честно, чувство. — Он на миг замялся, а затем заговорщицки подмигнул: — Но раз уж судьба свела меня с тобой, так и быть, прощаю системе эту шутку.

Не зная всей подоплеки, Цзян Шэн счел это за неприкрытый флирт. Жаль только, что слащавые парни с детскими лицами были совершенно не в его вкусе. Пропустив кокетливый выпад мимо ушей, он спросил:

— Здесь действительно убивают по-настоящему?

Лу Янь серьезно кивнул. Немного помолчав, Цзян Шэн задал следующий вопрос:

— И сколько платят тем, кто доживает до финала?

На этот раз завис сам Лу Янь. Он удивленно поднял бровь.

— Ты что, вообще не слушал меня в гостинной?

Цзян Шэн ответил со всей искренностью:

— Слушал. Но не поверил.

Убежденный материалист и безбожник, он наотрез отказывался принимать на веру подобные мистические байки.

Восьмой откинулся на мягкие подушки и со вздохом покачал головой:

— То есть для тебя это просто масштабный квест-рум? Обычная игра в «Убийство Оборотня»?

Цзян Шэн промолчал, но его лицо говорило само за себя.

— Ладно, спорить не буду. Сама жизнь тебе все растолкует, когда придет время, — Лу Янь махнул рукой и поспешил сменить тему. — Кстати, мы ведь так и не представились толком. —

Прижав к себе нелепую детскую подушку, он заговорил первым: — Меня зовут Лу Янь. «Лу» — которая суша, «Янь» — которая развитие. Мне семнадцать, я из города G. Обычный школьник, учусь в средней школе XX. Мечтаю поступить в Университет Г-вай. А ты?

Посмотрев на ямочки, отчетливо проступившие на щеках парня, Цзян Шэн ответил:

— Цзян Шэн. «Цзян» — как река, «Шэн» — как звук. Двадцать четыре года, из города Z. Работаю учителем.

Восьмой — теперь уже официально Лу Янь — понимающе кивнул и пожал плечами:

— О, учитель! Достойное дело, стабильная работа. — А затем выдал порцию чисто подросткового любопытства: — И какой предмет ведешь? В какой школе? И зачем вообще связался во все это?

— Преподаю язык и литературу. А название школы тебе все равно ничего не скажет, — спокойно ответил Цзян Шэн.

Что же касается последнего вопроса, то у него самого не было ответа. В глубине души он считал себя случайной жертвой чужого негласного выбора.

— Понятно, — протянул Лу Янь и легкомысленно обронил: — Платят небось копейки?

Эта фраза снайперски угодила в самую болезненную для Цзян Шэна тему. Мысленно закатив глаза, Цзян Шэн ничем не выдал своего раздражения. Он лишь сухо выдавил короткое:

— Угу.

За те два года, что прошли после выпуска, он досыта наслушался ядовитых замечаний от родни и знакомых: «Надо же, учитель литературы! На этом даже подработать толком нельзя. Как ты собираешься себя обеспечивать? А семью как кормить будешь?» И все же каждый раз, когда подобные разговоры заходили вновь, его охватывала глухая досада.

«И почему посторонних людей так заботит чужая жизнь?» — с раздражением подумал он.

Зарплата учителя была скромной, но в провинциальном городе Z ее вполне хватало на скромную жизнь для него самого и кота. Главным плюсом этой работы было обилие свободного времени, которое можно тратить в свое удовольствие. К тому же ему не приходилось выслуживаться перед начальством, так что жаловаться было особо не на что.

Да и в его профессии имелось нечто вдохновляющее: видеть, как вчерашние ученики находят свой путь, добиваясь того, о чем сам он никогда и не помышлял.

Лу Янь, заметив угрюмое молчание собеседника, почувал, что ляпнул лишнего. Он тут же пошел на попятную:

— Эй, ты не подумай плохого, я просто к слову пришелся. Болтаю всякую ерунду. И все же, дружеский совет: если кто-то станет выпрашивать, в какой именно школе ты работаешь или где живешь, лучше помалкивай.

Цзян Шэн удивленно приподнялся. Откровенничать он и так не собирался, но из чистого любопытства спросил:

— Это еще почему?

— Потому что в этом мире подонков всегда больше, чем приличных людей, — серьезно ответил Лу Янь.

<http://bllate.org/book/20126/2028615>